

Анастасия Тимофеева

Корона разбитых зеркал

Анастасия Тимофеева

Корона разбитых зеркал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73210808

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника живёт обычной жизнью, пока не начинает видеть в зеркалах чужие лица. После встречи с загадочным незнакомцем Каином её похищают в Эреб – проклятое королевство, где её называют забытой королевой.

Чтобы выжить, ей придётся пройти через зеркальные ловушки, разгадать тайну стёртой памяти и принять ужасную правду: война между ангелами и демонами началась из-за неё. Её сила – ключ к уничтожению всех миров или к спасению.

Но спасение требует высшей цены. Выбор между любовью, долгом и самой собой определит судьбу реальности.

«Корона разломанных зеркал» – история о том, что самые страшные тайны скрыты в наших собственных отражениях.

Анастасия Тимофеева

Корона разбитых зеркал

Что ждёт вас в «Короне разломанных зеркал»

Иногда самые страшные кошмары – это забытые воспоминания.

Вероника думает, что она обычная девушка. У неё есть работа, лучшая подруга и верный пёс. Но каждое утро она просыпается с вкусом пепла на губах, а в зеркалах всё чаще мелькает не её отражение. Чёрные перья, падающие из ниоткуда, и тени с крыльями в парке – это ещё можно списать на усталость. Но когда в её квартиру врывается незнакомец с горящими глазами и одним крылом, говорящий, что она – потерянная принцесса проклятого королевства, сомневаться уже не получается.

Вас ждёт:

– Падение в мир Эреб – царство чёрного стекла и расплавленного серебра, где правят тени, а небо вечно окрашено цветом запёкшейся крови. Это её дом, и он умирает без своей королевы.

– Война, длиной в вечность между ангелами-чистильщиками, стремящимися стереть всё несовершенное, и демонами-изгоями, отчаянно цепляющимися за свою свободу. И Вероника – главный приз в этой войне.

– Каин – падший страж с проклятым прошлым и взглядом, прожигающим душу. Он – её единственный проводник в этом кошмаре, но можно ли ему доверять? Он знает о ней страшные тайны, которых она не помнит.

– Магия зеркал – порталов в прошлое, ловушек для душ и хранителей правды, которая может свести с ума. Чтобы узнать, кто она, Веронике придётся разбивать их одно за другим, рискуя навсегда остаться в отражениях.

Но самое страшное скрывается не в чужих мирах, а в ней самой.

Её кровь светится золотом, глаза меняют форму, а сны оказываются памятью о жизни, где она была не жертвой, а Королевой-Разрушительницей. Той, что когда-то сама стёрла себе память, чтобы скрыться от правды.

Готова ли она вспомнить всё?

Простить тех, кто её предал? Принять свою силу, которая может как спасти, так и уничтожить целые миры?

Путешествие в самое сердце тьмы начинается с одного взгляда в зеркало.

Сделайте вдох. И шагните в сторону отражения.

Глава 1. Сны, которые не должны сниться

Ледяной ветер бился в оконное стекло, заставляя его мел-

ко дрожать в старых деревянных рамах. Вероника проснулась не от звука, а от тишины. Гробовой, абсолютной тишины, которая наступила в квартире внезапно, как будто кто-то выключил все фоновые шумы мира. Ее сердце колотилось с такой силой, что она услышала его стук в ушах.

Опять этот сон.

Она не просто видела его – она чувствовала на вкус. Прах сожженных крыльев на языке. Металлический привкус ангельской крови. И холод – всепроникающий, костный холод пустоты, которая зияла там, где должно было быть небо.

Перед глазами все еще стояли образы, намертво врезавшиеся в сетчатку:

– Город из черного обсидиана, парящий над бездной. Не просто город – живое существо. Его шпили вздымались, как ребра гигантского зверя, а по стенам струились ручьи расплавленного серебра, образуя сложные, похожие на руны узоры.

– Человек с крыльями цвета грозового неба. Он стоял на краю рушащегося моста, его фигура была очерчена багровым светом горящих за его спиной строений. Он протягивал к ней руку, не руку – коготь, изуродованный шрамами

и старыми ожогами. Его губы шевелились, но вместо звука из них вырывались клубы черного дыма, складывающиеся в одно слово: «Вернись».

– Зеркало. Огромное, в раме из сплетенных костей. В нем отражалась она. Но не та, что сейчас лежала в потной постели. Ее двойник улыбался, обнажая ряд идеально острых, хищных зубов. А вокруг ее шеи обвивалась живая корона – не из металла, а из черных шипов, которые медленно впивались в кожу, оставляя тонкие струйки золотой, а не красной, крови.

Октав, ее трехлетний лабрадор, заскулил у кровати, тыкаясь мокрым носом в ее свисающую с кровати ладонь. Его шерсть была взъерошена, а уши прижаты к голове – поза полной, животной покорности перед невидимой угрозой.

«Опять ты первый...» – голос сорвался на хриплый, не выспавшийся шепот. Она почесала его за ухом, и пес дрогнул, но не отстранился.

Она встала. Паркет под босыми ногами был ледяным. В зеркале над старым бабушкиным комодом отразилась бледная, почти прозрачная девушка с синими – невероятно, неестественно синими – глазами. Цветом глубокой полярной расщелины.

Почему сегодня они светятся?

Подойдя ближе, почти уткнувшись носом в холодное стекло, Вероника с тревогой разглядела странности:

– Зрачки сузились до тонких вертикальных щелочек, как у кошки, увидевшей добычу.

– В глубине радужки, там, где у людей лишь однородный цвет, мерцали крошечные золотые искры. Они двигались, медленно, подобно планете в микроскопической галактике.

– По самому краю век проступил едва различимый перламутровый ободок, будто кто-то с величайшей точностью обвел ее глаза жидким серебром.

«Не выспалась, вот и глючит», – попыталась убедить себя Вероника, резко отворачиваясь. Но в последний момент ей показалось, что отражение в зеркале моргнуло на долю секунды позже. Не вместе с ней, а вслед за ней. Холодная струйка пота скатилась по позвоночнику.

Парк встретил ее осенней, промозглой сыростью. Воздух, обычно наполненный ароматами влажной листвы и дыма из далеких труб, сегодня нес что-то иное. Что-то металличе-

ское, резкое, похожее на запах сварочной горелки или... озона после мощного разряда молнии.

«Ты чувствуешь это, Октав?» – она натянула поводок, но пес уже замер, вцепившись всеми четырьмя лапами в асфальт. Его могучие плечи напряглись, шерсть на загривке и вдоль хребта медленно поднялась дыбом, образуя гребень. Низкое, предупреждающее рычание вырвалось из его глотки – звук, которого Вероника никогда от него не слышала. Это был рык зверя, охраняющего свою территорию.

Он смотрел не на бродячую кошку или другого пса. Его янтарные глаза, широко раскрытые, были прикованы к пустой аллее между двумя вековыми, полуголыми дубами. Туда, где клубился особенно густой утренний туман.

Там, в серой, движущейся пелене, что-то шевельнулось.

Высокая, слишком высокая для человека фигура. Движения были не просто плавными – они были жидкими, бесшумными, лишенными малейшей инерции. Как будто существо не шагало, а скользило над самой землей.

И за его спиной, на мгновение рассекая туман, мелькнул контур... крыла. Не птичьего. Слишком крупного, угловатого, состоящего из отдельных, темных перьев, каждое из ко-

торых, казалось, впитывало свет.

Сердце Вероники рванулось в бешеной пляске, ударившись о ребра. Она замерла, не в силах пошевелиться, затаив дыхание. Но когда она моргнула, смахнув со ресниц нависшую каплю влаги – аллея была пуста. Совершенно, безжизненно пуста. Лишь на голой ветке старого дуба каркнул ворон, срываясь в полет. Одно из его перьев, глянцево-черное, медленно закружилось в воздухе и упало к ее ногам.

Она машинально наклонилась, чтобы поднять его. Перо было ледяным на ощупь и неестественно тяжелым. И прежде чем ее пальцы сомкнулись на нем, оно растворилось. Не исчезло, а именно рассыпалось на мириады микроскопических черных пылинок, которые тут же рассеялись в воздухе. На месте, где оно упало, остался лишь едкий, тошнотворный запах серы и тления.

Вода в душе была обжигающе горячей, но Вероника все равно дрожала. Она стояла, уткнувшись лбом в кафель, пытаясь согнать наваждение. «Переработала. Нервничаю. Надо взять отпуск», – бормотала она бессмысленный набор слов, заклинание для обыденного мира.

Зеркало в ванной полностью запотело от пара. Но когда она протянула руку, чтобы стереть конденсат, ее пальцы за-

мерли в сантиметре от стекла. Сквозь толщу мельчайших капель на поверхности проступили четкие, ясные линии. Не случайные разводы, а четыре слова, выведенные изнутри, будто чей-то палец провел по обратной стороне стекла:

«ПРИДИ ДОМОЙ, ПРИНЦЕССА»

Она резко дернула руку назад, будто обожглась. Сердце снова заколотилось, в висках застучало. С диким усилием воли она нажала на кнопку вытяжки. Вентилятор загудел, пар начал медленно рассеиваться. Словно подчиняясь физическим законам, слова тоже расплылись, превратились в невнятные пятна, а затем и вовсе исчезли.

Когда стекло стало прозрачным, в нем отразилось ее перекошенное страхом лицо. Обычное. Человеческое. Глаза снова были просто синими, без искр, без ободка.

«Галлюцинация. Точно. Надо к неврологу», – сдавленно выдохнула она, натягивая халат.

Но, выходя из ванной, она краем глаза заметила на белой раковине черную точку. Подойдя ближе, она увидела – это было крошечное, но идеально сформированное перо. То самое.

Оно лежало, будто ждало ее, и от него все еще тянулся слабый, зловещий шлейф серы.

Глава 2. Тени прошлого

Кухня, обычно место уютного утреннего хаоса с кофе и тостами, сегодня казалась чужой, подчеркнута стерильной и безмолвной. Вероника замерла посреди линолеумного пола, не в силах оторвать взгляд от черного пера, лежащего на столе. Оно было таким же, как в парке, но теперь при свете кухонной лампы оно отливало не просто черным, а глубоким фиолетово-синим, как крыло ворона на солнце. И оно было теплым. Не просто комнатной температуры, а излучало слабое, пульсирующее тепло, как живое существо.

Октав, обычно выпрашивающий завтрак, сидел в трех метрах, уткнувшись в угол между холодильником и шкафом. Он не рычал, не скулил – он молчал, и в этой молчаливой позе было больше ужаса, чем в любом лае. Его тело было сжато в пружину, глаза, полные немого вопроса и первобытного страха, были прикованы к перу.

«Спокойно, мальчик, это просто... перо», – голос ее звучал фальшиво даже в ее собственных ушах. Она медленно, как будто приближаясь к змее, протянула руку.

В тот момент, когда кончики ее пальцев коснулись опахала, перо вздрогнуло. Не физически, не сдвинувшись с места, а словно по нему пробежала волна энергии. И на его идеально гладкой, темной поверхности проступил свет. Не отраженный, а исходящий изнутри, тускло-багровый, как тлеющий уголек. Свет сложился в текст, четкий и недвусмысленный

«ОНИ УЖЕ ИДУТ. РАЗБЕЙ ЗЕРКАЛО.»

Холод, более пронзительный, чем утренний в парке, сковал ее внутренности. Она инстинктивно повернулась к кухонному шкафу, к старому, слегка волнистому зеркалу на его дверце. В нем отражалось ее бледное, искаженное ужасом лицо.

И... движение за спиной.

В глубине отражения, в дверном проеме, ведущем в прихожую, стояла тень. Высокая, неясных очертаний, но с неоспоримым, четким силуэтом расправленных крыльев за спиной.

Она рванулась, развернулась так резко, что закружилась голова, готовая вскрикнуть.

Пустота.

Только Октав, прижавшийся всем телом к плинтусу, его тихий, непрекращающийся стон.

Резкий, оглушительный звонок домашнего телефона заставил ее вздрогнуть всем телом, сердце прыгнуло в горло.

«Ника, ты в порядке?» – голос Лизы в трубке прозвучал неестественно громко, резко, как удар хлыста. «Ты сегодня вообще собираешься на работу? Уже почти девять!»

«Да... да, конечно, – Вероника с силой оторвала взгляд от пустого дверного проема, заставив себя сосредоточиться на пластиковой трубке в руке. – Проспала немного.»

«Ну, собирайся быстрее! И не забудь – сегодня вечером мой день! Ты обещала!»

«Не забуду», – автоматически ответила Вероника, кладя трубку. Ее взгляд снова скользнул к столу.

Пера не было.

Там, где оно лежало, на светлой поверхности столешницы остался лишь черный, обугленный след, будто что-то раска-

ленное прожгло пластик насквозь. От него тянулся тонкий дымок и стоял тот же сладковато-горький запах горелого.

Офис. Казалось, здесь, среди привычного хаоса клавиатур, звонков и шелеста бумаг, кошмар отступит. Но реальность лишь стала тоньше, прозрачнее. Монитор светил в глаза, строки цифр в таблице расплывались и плясали. Вероника бессмысленно теребила ручку, не в силах вникнуть в смысл отчета.

Разбей зеркало...

Ее взгляд, блуждавший по экрану, невольно зацепился за темное отражение в нем. В глубине полированного черного пластика, за ее спиной, в ее собственном кресле... сидело существо.

Это была не тень, не игра света. Очертания были четкими: непропорционально длинные, тонкие руки с слишком большим количеством суставов лежали на подлокотниках ее кресла. Голова, лишенная черт, была склонена вперед, будто существо смотрело на монитор через ее плечо. Пустые глазницы были направлены прямо на ее отражение.

Она вскрикнула – тихо, сдавленно – и рванулась, обернувшись, сбивая кресло.

Пусто.

Кресло стояло на своем месте. Никого. Но когда она, дрожа, подняла его, на сиденье остались две четкие вмятины, как будто кто-то действительно сидел там минуту назад. А на спинке, на уровне, где должны были лежать ладони, обивка была слегка продавлена, будто от длительного давления острых пальцев.

«Ты сегодня какая-то бледная, Вер. Все в порядке?» – коллега из соседнего кабинета, проходя мимо с кипой бумаг, бросила на нее озабоченный взгляд.

«Да, просто... голова болит. Не выспалась», – Вероника натянуто улыбнулась, чувствуя, как губы отказываются слушаться.

В туалете она уткнулась в раковину, плеская в лицо ледяную воду. Она чувствовала, как трясутся колени. «Соберись. Это стресс. Паническая атака. Все объяснимо», – бормотала она, глядя на струйки воды, стекающие с подбородка.

Зеркало.

Медленно, с усилием, она подняла голову.

Ее отражение не повторило движение. Оно уже стояло прямо, глядя на нее. И оно улыбалось. Широко, неестественно, обнажая не зубы, а два ряда маленьких, острых, как у акулы, клыков.

«Они нашли тебя.» – губы отражения не шевелились. Слова прозвучали прямо у нее в голове, тихим, шипящим шепотом, полным злорадства.

Вероника отпрянула, ударившись спиной о холодную кафельную стену. Зеркало, не выдержав резкого движения или чего-то иного, треснуло с громким, сухим хрустом. Трещина прошла прямо по лицу улыбающегося двойника, разрезая его пополам.

Вероника замерла на пороге, ключ выпал из ослабевших пальцев. Квартира была перевернута. Это был не беспорядок, не следы взлома – это был ритуал.

– Книги были не просто сброшены с полок, а разложены на полу в странные, концентрические круги.

– Фотографии, включая старые детские снимки с родителями, были содраны со стен и приколоты к полу по периметру комнаты большими, черными, похожими на гвозди перьями.

– Зеркало в прихожей было разбито изнутри – осколки лежали не перед ним, а за его рамой, будто что-то вырвалось наружу.

– На стене в гостиной, на обоях с нежным цветочным принтом, зияли кровавые царапины, глубокие и свежие. Они складывались не в случайные полосы, а в четкое, крупное слово: «БЕГИ».

Телефон в сумке задрожал, играя веселую мелодию Лизы.

«Ника, ты точно идешь сегодня? Там будет тот симпатичный парень, о котором я говорила...»

Вероника стояла посреди хаоса, не слыша слов подруги. Ее взгляд упал на пол. Рядом с ее ногой лежало перо. На этот раз на нем горели новые слова, написанные тем же багровым светом:

«ОНИ УБЬЮТ ТЕБЯ ДО РАССВЕТА. ОН ТВОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС.»

Где-то в глубине квартиры, из спальни, донесся четкий, громкий скрип половицы. Как будто на нее наступили.

Октав, ждавший ее в прихожей, издал протяжный, леденящий душу вой – звук чистой животной ненависти и страха.

Тени на стене от дрожащего света уличного фонаря зашевелились, сливаясь в единую, огромную, крылатую фигуру.

Глава 3. Встреча, которая изменила все

Вероника одела свое лучшее платье из гардероба, также нанесла легкий макияж. Как только она собралась, она направилась на встречу с подругой.

Клуб «Стар» был воплощением чужой, беззаботной реальности. Техно-бит, тяжелый и монотонный, врзался прямо в височные кости, заставляя внутренности вибрировать. Лазеры, зеленые, красные, синие, резали клубящийся сигаретный дым и человеческие тела, превращая их в мелькающие сюрреалистичные образы. Воздух был густым от смеси духов, пота и алкоголя.

Вероника протиснулась к барной стойке, чувствуя, как с нее градом льет пот – холодный, липкий, не от жары, а от страха. В сжатой в кулак ладони она до боли сжимала черное перо. Оно жгло кожу, как раскаленный уголек, посылая волны пульсирующего тепла вверх по руке. С каждой минутой жжение усиливалось, словно батарейка набирала мощность.

«Он здесь» – шептало не перо, а сама эта боль, превращаясь в навязчивую мысль.

Она метнула безумный взгляд по залу. В танцующей, кричащей, пьяной толпе люди казались не реальными, а марионетками, куклами, чьи движения были слишком резкими, а смех – слишком громким. Каждый поворот головы, каждая вспышка света рождала в периферийном зрении образы крыльев, теней, мелькающих между тел.

И вдруг – тишина.

Не физическая. Музыка не прекратилась. Но для Вероники она вдруг исчезла, отступила на миллион миль. Все движения вокруг замедлились, стали плавными, как в густой патоке. Звуки исказились, превратившись в низкий, давящий гул.

Потому что она увидела его.

Он стоял у дальнего конца стойки, слегка прислонившись к ней, в руке – бокал с темно-бордовой жидкостью. Каштановые, слегка вьющиеся волосы падали на высокий лоб. Черная рубашка из тонкой ткани была расстегнута на две пуговицы, открывая смуглую кожу и точены ключицы. Просто

красивый мужчина. Если бы не одно.

Глаза.

Они смотрели прямо на нее, и они горели. Не метафорически. В полутьме клуба они светились собственным, устойчивым янтарным светом, как у крупного хищника, застигнутого фарами в ночи. Этот свет не отражал ничего вокруг – он исходил изнутри, из самой глубины зрачков.

Их взгляды встретились – и мир взорвался.

Не светом, не звуком. Воспоминанием. Но не ее собственным. Чужим. Древним. Всесокрушающим.

Видение обрушилось на нее, сметая клуб, музыку, реальность:

– Небо цвета запекшейся крови над полем, усеянным сломанными крыльями и доспехами. Воздух гудит от предсмертных криков и звона стали.

– Она стоит на холме из щебня. На ней не платье – доспехи из черного перламутра, прилипшие к телу кровью и грязью. На голове – корона, но не золотая и не бриллиантовая. Она сплетена из живых черных шипов, которые медленно врастают в ее кожу у висков, и от каждого вниз стекает тонкая

струйка золотой, густой жидкости.

– За ее спиной – два огромных, мощных крыльев цвета грозового неба. Каждое перо отликает металлическим блеском, а по краям тлеет багровая окантовка, будто они только что прошли сквозь адское пламя.

– Перед ней на коленях, прижимая окровавленный лоб к ее забрызганной грязью латной перчатке, стоит Он. Это Каин, но другой. Моложе? Старше? Его лицо изборождено не шрамами, а рунами, светящимися под кожей. Одно его крыло – черное, обугленное, висит беспомощно. Второе... второго нет. Только свежая, дымящаяся рана. Он поднимает голову, его глаза (те же янтарные, но полные не хищной уверенности, а бездонной боли и преданности) смотрят на нее. Его губы шевелятся: «Найди меня, пока не стало слишком поздно...»

Реальность вернулась с оглушительным, болезненным щелчком. Музыка врезалась в уши с утроенной силой, свет резал глаза. Вероника пошатнулась, едва не упав, и ухватилась за стойку. Ладонь, в которой было перо, онемела и горела.

«Ты в порядке? Ты прям вся побелела!» – Лиза трясла ее за плечо, ее накрашенное лицо было искажено беспокой-

ством. «Что случилось? Тебе плохо?»

«Там...» – Вероника с трудом отвела взгляд от Лизы и указала дрожащим пальцем на тот конец стойки. – «Тот мужчина...»

Лиза обернулась, прищурившись. «Какой мужчина? Там никого нет, глупышка. Ты, может, уже что-то выпила? Давай тебе воды.»

Но Вероника видела. Столовая зона там была пуста. Незнакомца не было.

Однако на полированной поверхности стойки стоял бокал. Тот самый, с темно-бордовой жидкостью. От него медленно поднимался легкий пар, хотя в клубе было душно. А в огромном зеркале за барной стойкой, среди отражений бутылок и лиц, на секунду, четко и ясно, мелькнуло ее собственное лицо. Но с вертикальными зрачками и той самой, хищной, нечеловеческой улыбкой. Оно подмигнуло и растаяло.

Час спустя. Алкоголь не притупил чувств, а лишь обострил их. Вероника чувствовала его взгляд. Физически, как прикосновение – горячее, тяжелое, неотступное. Он был где-то здесь. В толпе. За колонной. В дыму.

«Я схожу с ума», – прошептала она себе, допивая третий, уже совершенно безвкусный коктейль. Но слова не помогли.

Лиза смеялась с каким-то широкоплечим блондином, явно забыв о ней. Музыка гремела. Все вокруг веселились.

А она... увидела его снова. Он стоял в дверном проеме, ведущем в служебные помещения. Не смотрел на танцпол, не пил. Он стоял и смотрел прямо на нее. Его горящие глаза были двумя маяками в полутьме.

Этот взгляд был не просто наблюдением. Это был зов. Притяжение, сильнее магнита, сильнее гравитации. Что-то в самой ее крови откликалось на него, заставляя сердце биться в каком-то древнем, забытом ритме.

Вероника встала. Ноги подкашивались, но она сделала шаг. Потом другой.

«Ты куда?» – крикнула Лиза, на секунду оторвавшись от своего кавалера.

«На воздух! На минутку!» – бросила Вероника через плечо, уже пробираясь сквозь толпу к тому дверному проему.

Темный, узкий коридор затянул ее, как паутина. Он был освещен лишь одной тусклой, мигающей лампочкой где-то в конце. Звуки музыки тут же приглушились, стали далекими, искаженными. Их сменила гробовая тишина, нарушаемая лишь скрипом ее собственных каблуков по линолеуму.

И запах. Запах горелой плоти, серы и... старой крови. Тот самый, из сна.

Шаги за спиной. Негромкие, уверенные. Не пытающиеся скрыться.

Она обернулась.

Он стоял в трех метрах, блокируя выход обратно в зал. Его фигура казалась еще выше в тесноте коридора. Глаза горели ярче, освещая его собственные резкие скулы и плотно сжатые губы.

«Я знал, что ты придешь», – его голос был низким, бархатным, но в нем была металлическая нота, которая обожгла ее кожу, как прикосновение раскаленного лезвия. В нем не было вопроса. Только констатация.

«Кто вы?» – ее собственный голос прозвучал слабо, дет-

ски.

Он не ответил. Сделал шаг вперед. «Пора просыпаться, принцесса.»

И тогда что-то тяжелое, твердое со всей силы ударило ее по затылку. Боль была ослепительно белой. Последнее, что она успела почувствовать, – его сильные руки, подхватывающие ее падающее тело. И запах – его запах. Дождь, стальные доспехи и нечто древнее, темное, как смола.

Тьма.

Глава 4. Пробуждение во тьме

Сознание возвращалось медленно, мучительно, как всплытие со дна ледяного океана. Сначала появилась боль – тупая, пульсирующая в висках, и острая, жгучая у основания черепа. Потом пришел холод. Он пронизывал насквозь, исходя от твердой, неровной поверхности под щекой. Вероника попыталась пошевелиться, и по спине пробежала судорога. Каждый мускул кричал от напряжения, будто ее растягивали на дыбе.

Она открыла глаза. Тьма была не абсолютной. Слабый, мерцающий свет струился откуда-то сверху, падая на сырые каменные стены. Воздух был тяжелым, густым, наполненным запахами: сырость подземелья, горькая пыль веков, приторная сладость тления и все та же, неотвязная сера. Она лежала на холодном каменном полу огромной пещеры или зала.

«Наконец-то.»

Голос прозвучал прямо над ней, низкий, с той же металлической ноткой, что и в коридоре клуба, но теперь лишенный бархатистости. В нем слышалась усталость, возрастом в тысячелетия.

Она рванулась сесть, мир поплыл перед глазами. Перед ней, прислонившись к грубой каменной колонне, стоял Он. Каин. Но того красивого, загадочного незнакомца не осталось и следа.

Он был без рубашки. Его торс, покрытый рельефными мышцами, был испещрен шрамами. Не случайными царапинами, а сложными, ритуальными узорами, будто кто-то выжигал их на коже слой за слоем. Некоторые светились тусклым багровым светом изнутри. Его каштановые волосы были собраны в небрежный хвост, открывая высокий лоб и острые

черты лица, которые теперь казались высеченными из гранита – жесткими, неумолимыми.

Но больше всего ее поразили два изменения:

1. Глаза. Они все так же горели янтарным светом, но теперь в этом свете плавали черные, змеевидные зрачки. И в их глубине стояла такая боль, такая бездна усталости и ярости, что на нее было страшно смотреть.

2. Спина. За его правым плечом, изломанное, но все еще могучее, шевелилось крыло. Оно было черным, как угольное небо в безлунную ночь, а каждое перо окантовывалось тонкой серебристой полосой, мерцавшей в полутьме. Но левой стороны... левой стороны не было. Там, где должно было быть второе крыло, зияла свежая, ужасная рана. Кожа вокруг нее была обуглена, из нее сочилась густая, темная, почти черная жидкость, которая, падая на камень, не растекалась, а сворачивалась в дымящиеся шарики и исчезала с легким шипением.

«Где я?» – ее голос был хриплым шепотом, горло саднило, будто она наглotalась песка.

Он улыбнулся. Это было страшное зрелище. Улыбка не

тронула его глаз, лишь обнажила клыки – чуть длиннее человеческих, идеально острые. «Дома, принцесса. В Эребе.»

Он оттолкнулся от колонны и, слегка прихрамывая, сделал шаг в сторону. Щелкнул длинными пальцами.

И тьма расступилась.

Стены пещеры... растворились. Вернее, оказалось, что это были не стены, а плотные шторы из живой тени. Они отодвинулись, открывая головокружительную панораму.

Они стояли на открытой площадке, на головокружительной высоте. Под ними простирался город. Но такой город не мог быть построен человеческими руками. Эреб.

Он был высечен не из камня, а из цельных глыб черного обсидиана и темного стекла. Башни, острые, как кинжалы, вздымались к багровому, безудному небу, испещренному трещинами, из которых сочился ядовитый фиолетовый свет. Между башнями тянулись ажурные мосты, похожие на застывшие молнии. По улицам, вместо рек, текли потоки расплавленного серебра, их мерцание отражалось в тысячах окон-глазниц. Воздух дрожал от далекого, монотонного гула – смеси скрежета механизмов, завывания ветра в ущельях и... стонов. Глухих, протяжных стонов, доносившихся из са-

мых недр города.

И повсюду движение. Существа с кожистыми или пернатыми крыльями скользили между шпильями. Тени, слишком длинные и тонкие, ползли по стенам. Внизу, у подножия их площадки, темной рекой текли фигуры в капюшонах, несущие какие-то свертки.

«Добро пожаловать в свое королевство, Вероника Амаранта, – его голос прозвучал тихо, но четко, перекрывая гул города. – Или, как тебя называли в последний раз... Королева-Разрушительница.»

Она отшатнулась, спина ударилась о холодный парапет площадки. «Это... это бред. Я не... Я Вероника. Я из Москвы. Я работаю в офисе.»

«Ты работала в офисе, – поправил он холодно. – Пока не проснулась. Пока они не нашли тебя.»

«Кто они?»

«Ангелы. Хранители. Тюремщики. Называй как хочешь. Те, кто стер тебе память и запер в той клетке из бетона и стекла, что ты называла жизнью.»

В голове Вероники все кружилось. Она сжала виски пальцами. «Я не верю. Это сон. Кошмар. Или... или ты меня drugged!»

Каин рассмеялся – коротко, резко. «О, я бы предпочел, чтобы это был просто дурман. Все было бы проще.» Он подошел ближе, и она почувствовала исходящее от него тепло, странное, сухое, как от раскаленного камня. «Посмотри на себя.»

Он махнул рукой, и у ее ног лужа темной влаги на камне вспучилась и превратилась в идеально гладкую, зеркальную поверхность.

Вероника заглянула в нее.

И увидела.

Ее отражение было ее, но... иным. Кожа была бледнее мрамора. Синие глаза горели изнутри тем же золотистым светом, что и у Каина, но в них плавали вертикальные зрачки. Волосы, обычно просто черные, отливали глубоким синим, как крыло ворона на солнце. А из-под рубашки, на шее, проглядывали края сложного узора – такого же, как шрамы на Каине, но светящегося слабым голубым светом.

«Нет...» – она прошептала, тыча пальцем в отражение. Оно повторило движение, но его улыбка была полна печали и знания. «Это не я.»

«Это и есть ты. Последняя из рода Амарантов. Правительница Эреба. Та, чья кровь – ключ к Трону Теней. И та, чье пробуждение... – он перевел взгляд на разорванный горизонт, – ...ознаменует начало последней войны.»

Вдали, на самой окраине этого кошмарного города, что-то вспыхнуло ослепительно белым светом. Раздался отдаленный, но ясный звук – чистый, высокий звон, как удар по хрустальному колоколу. Но в этом звоне была такая ненависть, такая нечеловеческая ярость, что у Вероники перехватило дыхание.

Каин вздрогнул, его лицо исказила гримаса боли. Его крыло нервно дернулось. «Они уже знают. Идут.»

Он схватил ее за руку. Его пальцы обжигали кожу. «Нам нужно двигаться. Сейчас.»

«Куда? Я никуда не пойду с тобой!»

«Ты пойдешь, если не хочешь, чтобы тебя разорвали на куски или, что хуже, снова стерли, превратив в послушную

куклу в твоей уютной квартирке!» – его рык заставил ее замолчать. В его глазах на секунду вспыхнула нешуточная ярость, но он тут же взял себя в руки. «Есть место... Зал Зеркал. Там хранится правда. Вся. Если ты не поверишь мне, может, поверишь им.»

Он потянул ее за собой, вглубь площадки, к узкой, почти незаметной щели в скале. Прежде чем нырнуть в темноту, Вероника бросила последний взгляд на зеркальную лужу. Ее отражение смотрело ей вслед. И его губы, беззвучно, сложились в слово:

«Беги.»

Они скрылись в камне как раз в тот момент, когда с неба, на площадку, где они только что стояли, опустились три ослепительные фигуры на белоснежных, пылающих крыльях.

Глава 5. Зал Зеркал

Тоннель был низким, тесным, выдолбленным в живой скале. Каин шел впереди, его крыло, сложенное за спиной, скреблось о потолок, осыпая их каменной крошкой. Он не

зажигал света, но его глаза, горящие в темноте, служили слабыми маяками. Вероника шла следом, спотыкаясь о неровности, ее разум был хаосом отрицания, страха и обрывков невероятных видений.

Они шли, казалось, вечность. Воздух становился еще холоднее, влажнее. И тишина... тишина здесь была абсолютной. Даже их шаги поглощались мягкой каменной пылью под ногами.

Наконец, тоннель уперся в гладкую, отполированную стену из черного камня. На ней не было ручки, замочной скважины – ничего. Каин остановился, тяжело дыша. Он приложил ладонь к центру стены. Шрамы на его руке вспыхнули багровым светом, и камень застонал, подавшись внутрь, поворачиваясь, как дверь на скрытых петлях.

Их встретил слепящий свет.

Вероника зажмурилась, а когда смогла открыть глаза, то застыла на пороге, пораженная.

Зал Зеркал был огромным круглым помещением. Но вместо стен, потолка и пола здесь были зеркала. Миллионы, миллиарды осколков разного размера и формы, от огромных, в рост человека, полотен до крошечных, с ноготь,

осколков. Они были скреплены вместе не раствором, а... живыми, пульсирующими прожилками черной энергии, которые медленно перетекали по швам, словно кровь по венам. Свет исходил от самих зеркал – холодный, призрачный, серебристо-синий. Он отражался бесконечно в этой хрустальной бесконечности, создавая иллюзию ухода в вечность во всех направлениях.

И в каждом зеркале, в каждом осколке, было отражение. Но не их текущих фигур. В них были сцены. Живые, движущиеся сцены.

«Зеркала Памяти, – сказал Каин, его голос, обычно твердый, здесь звучал почти благоговейно. – Они помнят все, что было. И все, что могло бы быть.»

Он подвел ее к одному из крупнейших зеркал. «Смотри.»

В зеркале... был дворец. Не обсидиановый кошмар Эреба, а прекрасный, воздушный замок из белого мрамора и золота, парящий среди облаков. На балконе стояла девушка с ее лицом. Но это лицо было безмятежным, улыбочивым, а глаза – чисто синими, без огня и зрачков-щелочек. На ней было легкое платье цвета утренней зари. И за ее спиной два великолепных, белоснежных крыльев мягко переливались в свете двух солнц.

«Это... я?» – прошептала Вероника.

«Это была ты. Задолго до Эреба. Аэлина, младшая принцесса Небесных Садов.»

Зеркало рядом ожило. Тот же замок, но теперь он объят пламенем. Небесная принцесса стоит на руинах, ее белые крылья опалены, в руках – окровавленный меч. Ее лицо искажено нечеловеческой скорбью и яростью. А вокруг – горы трупов. И не все они с крыльями...

«Ты узнала правду, – тихо сказал Каин. – О том, что твои «ангелы» – не хранители, а тюремщики. Что Небесные Сады – золотая клетка. И что твой дар... дар видеть суть вещей... они называли проклятием и хотели его «исцелить», стерев твой разум.»

Он перешел к другому зеркалу. Эреб. Но не мрачный и разрушенный, а сияющий, могущественный. Она на троне из черного дерева и серебра, в короне из живых, темных роз. Ее крылья теперь – смесь черного и синего, и в них бьются молнии. Народ – странные, прекрасные и ужасные существа – ликует. А рядом с тронном, как тень, стоит Каин. Молодой, с двумя целыми, черными крыльями, смотрящий на нее с обожанием и преданностью.

«Ты сбежала. Создала свое царство. Приютила таких же, как ты – изгнанников, отвергнутых, тех, кого «свет» счел нечистыми. И ты стала им Королевой. А я... – он голос дрогнул, – ...я был твоим Первым Рыцарем. Твоим клинком и щитом.»

Следующее зеркало. Война. Огненные дожди, падающие на Эреб. Столкновения армий света и тьмы в разломах между мирами. Она и Каин, спина к спине, сражающиеся в эпицентре бури.

«Они не могли простить тебе бегства. И твоей силы. Началась Великая Расколка. Война, которая потрепала основы всех миров.»

И последнее, самое большое зеркало в центре зала. Сцена, от которой у Вероники похолодела кровь. Она стоит над бездыханным телом Каина. Его крылья сломаны, грудь разворочена светящимся клинком. Ее лицо – маска абсолютно-го, леденящего душу горя. А вокруг смыкается кольцо ангелов в сияющих доспехах. Она поднимает голову. И в ее глазах зажигается не свет, а тьма. Чистая, всепоглощающая. Она открывает рот, чтобы издать крик... и зеркало трескается. Трещина проходит прямо по ее фигуре.

«Я пал, защищая проход в твой тронный зал, – сказал Кайн, не глядя на зеркало. – А ты... ты совершила то, что они называли Падением во Тьму, а мы – Пробуждением Гнева. Ты уничтожила целый легион. И почти уничтожила себя. Сила вырвалась из-под контроля. Ты начала стирать границы миров.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.